

**ПРОБЛЕМА ДЕТСТВА И ЕЁ РЕШЕНИЕ В АНТИУТОПИЯХ
Е.ЗАМЯТИНА, О. ХАКСЛИ**

В статье рассматривается проблема становления личности, обезличенной государственным устройством.

Если бы меня спросили, какое самое прекрасное время в вашей жизни, я не задумываясь бы ответила – детство. Детство освещено только белым светом, счастьем, любовью. Кажется, весь мир любит тебя, и ты любишь всех. Столкновение со злом становится потрясением.

Детство может сформировать личность, а может уничтожить её, обезличить. Тема детства становится главной в романах – антиутопиях Е. Замятина «Мы» и Олдоса Хаксли «О дивный новый мир», оспаривающие экономические, социальные, моральные основания, на которых можно построить царство божие. Направленные против государства в защиту человека антиутопии анализируют те искажения, которые претерпевает человеческая личность, подавленная техническим прогрессом и тоталитарной властью. Деформация же личности и искоренение из человека человеческого начинается с детства. Это зависит от взгляда на рождение человека, рождение как духовное начало или вульгарно-материалистическое.

Для идеалиста Шатова («Бесы» Ф.Достоевского) рождение человека связано с тайной. «Тайна появления нового существа – великая тайна и необъяснимая... Было двое, вдруг третий человек, новый дух, цельный, законченный...»

Восторги Шатова вызывают скептический смех акушерки-нигилистки, принимающей роды: «Эх напорол! Просто дальнейшее развитие организма и ничего тут нет, никакой тайны... Эдак всякая муха тайна».

Такой вульгарно-материалистический взгляд на жизнь господствует в романах Е. Замятина «Мы» и О. Хаксли «О дивный новый мир». «Замятин и Хаксли изображают общество, отвергающее мысль об изначальной духовности человека, общества, исповедующее вульгарно-материалистические взгляды на жизнь», - отмечает М. Спивак. Именно такая точка зрения господствует в Инкубационно-Воспитательном Центре («О дивный новый мир»). Герои романа Хаксли запрограммированы на генетическом уровне. Идеал нравственный заменяется идеалом животным; ориентиром становятся собака и корова, потому что у них нормальная, а не замедленная, как у людей, скорость развития, а «неприятная склонность человеческого зародыша к малокровию гасится введением в крупных дозах экстрактов свиного желудка и печени лошадиного эмбриона». А если так, то вопрос о значимости и неповторимости жизни неправилен. Смерть обитателей «дивного нового мира» не вызывает печали, «общественный организм продолжает жить, несмотря на смену составляющих его клеток»

Точно также в романе Замятина «Мы» десять Нумеров, стертые с лица земли при испытании «Интеграла», приравнены героем романа к «бесконечной малой третьего порядка».

«В обществе, описанном Замятиным и Хаксли, важно не появление нового духа, цельного и законченного, а продолжение породы», - делает вывод Т. Давыдова.

Героиня романа Замятина «Мы» О-90 не имеет права иметь детей, так как не дотягивает 10 см. до Материнской Нормы, её беременность – преступление перед Государством, караемое смертью. А если всё-таки вопреки запретам родится ребёнок, не соответствующий государственным нормам? Его ждет кара. В романе Хаксли её применяют к мальчику, чья нестандартность заключается в нежелании играть в те же игры, что и все.

Отцовские и материнские нормы, Воспитательный завод, наука детоводства – все это считается важными достижениями воспитательного процесса в романе Замятина «Мы». Продукция инкубационно-воспитательного центра у Хаксли расценивается как

«улучшение природного процесса». Воспроизводство поставлено на конвейер. В «дивном новом мире» дитя вынашивается не матерью, а в бутылке, передвигающемся по конвейерной ленте из Зала Оплодотворения в зал Раскупорки. Появляются не люди, а альфа, бета, гамма плюсовиков и минусовиков («О дивный новый мир») и Нумеров («Мы»), абсолютно довольных жизнью и несвободой. Здесь несвобода – счастье, жестокость – проявление любви, а человеческая индивидуальность – преступление.

Естественно, что личность сформированная подобным укладом, ощущает себя ничтожеством по сравнению с силой и мощью государства. Герой антиутопии должен испытать сомнение в логических посылах системы, пытающейся придать всему рациональную стройность, должен пережить это сомнение как кульминации своей жизни. Только такой конфликт способен породить личность. В романе Хаксли это Бернард Маркс, Уолсон, Дикарь. Их рождение покрыто тайной. Бернард Маркс был на восемь сантиметров ниже, чем определено стандартами для альфа, «упорно ходят слухи насчет спирта, по ошибке влитого в его кровозаменитель». Его друга Уолсона отличают большие способности. Главный же герой романа Дикарь не раскупорен из бутылки, а рожден женщиной. Врожденная нестандартность ведет их к отчуждению от общества, к иному уровню осмысления мира, к духовному отличию.

В романе «Мы» герой, абсолютно подчинивший собственное «я» монолитному «мы», не лишен сомнений. Полному ощущению счастья мешают досадные изъяны этого «идеального мира». Д-503 не дают покоя носы, которые при всей одинаковости Нумеров имеют разные формы; личные часы, которые каждый проводит по-своему. И хотя герой стремится отогнать эти неуместные мысли, в глубине сознания он догадывается, что есть в мире что-то, не поддающееся установленной логике, рассудку. Более того, на генетическую нестандартность и тайну происхождения указывают волосатые руки Д-503. Вероятно, в его жилах течёт кровь людей, живущих за Зеленой Стеной, чудом уцелевших после Двухсотлетней войны, называвших себя Мефи.

То, что главные герои романов оказываются близки миру природному, не случайно: в этом возможность их оппозиции индустриальному раю антиутопий.

Герои романов Замятина «Мы», Хаксли «О дивный новый мир» должны пройти путь от «мы» до «я». К этому призывают антиутопии. Для этого герои сначала вернутся к природным и духовным истокам жизни, а потом вперед, к отказу от бездумного существованию, к зрелости ума и чувств, формирующих личность. «Только личность может противостоять системе, превращающей людей в Нумеров, альфа, омега, воспрепятствовать обращению человечества в послушное стадо».

Литература

1. Спивак М. Лазурное блаженство забвения. -М., 1998. -С. 18.
2. Давыдова Т. Антижанры в творчестве Е.Замятина. - М., 1997. -С. 49.
3. Спивак М. Лазурное блаженство забвения. - М., 1998. -С. 54.